

Вирус зла Родиона Раскольникова

NATALIA ILINÁ SOLOVIEVA, *Universidad de Valencia (UVEG)*

Natalia.Ilina@uv.es

RESUMEN

El presente artículo está dedicado a las cuestiones filosóficas, relacionadas con el tema del Bien y el Mal, la muerte e inmortalidad en la obra de F. Dostoyevski. Se pretende analizar las ideas de las relaciones entre Dios-Hombre-Diablo en la novela *Crimen y castigo*. Se subraya uno de los rasgos fundamentales de las novelas de Dostoyevski que es su inmensa conmiseración por el ser humano que fluye a través de la estética que entronca con su filosofía.

Palabras clave: significado filosófico del Bien y del Mal, la muerte e inmortalidad, crimen y castigo, papel regulador de la moralidad.

The Malignity Virus of Rodion Raskolnikov

ABSTRACT

This article is dedicated to the philosophical issues related to the theme of good and evil, death and immortality in the work of F. Dostoyevsky. It aims to analyze the ideas of the relationship between God-Man-Devil in the novel *Crime and Punishment*. The article highlights one of the fundamental features of Dostoyevsky's novels, namely his immense compassion for human beings, which flows through the aesthetics connected with their philosophy.

Keywords: philosophical meaning of good and evil, death and immortality, crime and punishment, moral regulatory role.

Одной из важнейших тем творчества Достоевского является тема смерти/бессмертия. Действительно, смерть – это не только «демографический параметр», но и один из основных факторов коллективного сознания, в котором скрываются тайны человеческой личности, коснувшись которых можно углубить понимание многих сторон социальной и культурной жизни той или иной страны.

В одном месте своих лекций Кант говорит о жизни: «Конец жизни – смерть; но последняя есть конец жизни не души, а человека. Таким образом, рождение, жизнь и смерть – только состояние души» (Дюпрель, 2006: 32). Кант учит, что наша душа пребывает в области бессознательного, что два лица нашего субъекта существуют одновременно, и, наконец, он учит предсуществованию и бессмертию. В свою очередь материалистическая психология занимается исключительно исследованием одного из лиц нашего существа, начинающего свое существование с нашим рождением и оканчивающего его с нашей смертью.

В России всегда преваляло ощущение преимущества всякой жизни перед смертью. Русское христианство оставалось на протяжении долгих веков внешним слоем над плотью языческих верований, суеверий и мистицизма, поэтому в основном русской культуре не свойственно чувство вечного, даже в самой примитивной его форме культа предков.

Достоевский живет и творит в эпоху, когда европейская мысль пытается в очередной раз решить вопрос об истинном существе человека. Можно ли верить в человека как в существо, взятое отдельно от всего остального и всему остальному

противопоставленное? Является ли человек бессмертным и самочинным устройтеlem своей жизни, властителем над природой и тварями земными? Или же он «раб», «червь», влачащий свой жизненный срок под неусыпным оком Бога.

В 30-40-х годах XIX века на русскую мысль чрезвычайно сильное влияние оказывал утопический социализм, сильно повлиявший на жизнь молодого Достоевского, но одновременно давал о себе знать и натуралистический гуманизм, выросший на почве левого гегельянства и на теориях Фейербаха. Этот натуралистический гуманизм возвышает человека не как духовное существо, а как плотское, вышедшее из таблиц Дарвина. Вера в земную гармонию подвергается жестокой критике. Человек оказывается неким казусом природы, неизвестно зачем пришедшим в этот мир. «Человек есть нечто, что должно быть преодолено», - эти слова Ницше подвели итог кризису гуманизма. Выдвигается новый идеал – «сверхчеловек», который сам может быть Богом.

Достоевский переживает кризис гуманизма глубоко и трагически. С.Л. Франк в своей работе *Достоевский и кризис гуманизма* (к 50-летию дня смерти Достоевского) пишет (<http://www.vehi.net/frank/dost1.html>):

Человеческое существо, как его рисует Достоевский, есть прямая противоположность и «разумному человеку» просветительства, и «прекрасной душе» романтизма. По Достоевскому, зло, слепота, хаотичность, дисгармония не только вообще присущи человеку, но в каком-то смысле связаны с его последним, глубинным существом. Именно там, где человек в своих слепых и разрушительных страстях восстает против требований разума, против всех правил приличия и общепризнанной морали, – именно там прорывается наружу, сквозь тонкую оболочку общепризнанной эмпирической реальности, подлинная онтологическая реальность человеческого духа.

Уделяя низменным и плотским началам особое внимание, Достоевский бесконечно далек от гуманистического оптимизма и от всякой идеализации человека, поэтому смерть, которая может пробудить самые слепые, темные глубины человеческого существа, так привлекает его взор. Постоянно из романа в роман разворачивает он эту тему перед взором читателя: начиная от «смерти при жизни», когда герой «умирает» или от стыда или от отчаяния («...я умру, умру, на месте умру, так-таки возьму да и умру от стыда, от мысли одной!» – восклицает Макар Девушкин в *Бедных людях*), и кончая «смертью после смерти» - гротескными сценами на кладбище в *Бобке*. Достоевского волнуют вопросы: можно ли самого себя приговорить к смерти и исполнить этот приговор; правомерна ли смертная казнь; как умирает человек, сразу или постепенно; имеет ли право человек лишиться другого жизни; является ли смерть границей, пределом жизни и возможно ли воскресение.

Читая записи Достоевского в его дневниках, думаешь, что писатель придерживается ортодоксального подхода в вопросах загробной жизни, когда он говорит, что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо. Однако отчего же так мучаются его герои? Почему многие из них думают об «идейном» самоубийстве? О каком бессмертии идет речь? *О жизни без смерти* или *о жизни после смерти*? Ведь христианское бессмертие – это *жизнь без смерти*, то есть постоянное продолжение земной жизни, в которой смерть не противопоставлена жизни, а является

элементом, включенным в жизнь. Достоевский хочет верить в бессмертие и в то же время панически боится продолжения существования в прежней форме, получающей новое содержание, которое не отменяет старое а лишь дополняет его. Не обновление и прекрасная новая форма жизни, - а «баня с пауками», как олицетворение той «темной силы», которая, по мнению Достоевского, господствует в мире. Его герои-самоубийцы часто отказываются от логических оснований для самоубийства, а основываются на отвращении, которое эта темная сила в них вызывает. Их гипнотизирует нераскрытая тайна: «Все есть тайна, друг, во всем тайна божия», - говорит Макар Долгорукий в *Подростке*, - «А всех большая тайна – в том, что душу человека на том свете ожидает». (Достоевский, 2004: 115).

Какова же эта темная сила? Ипполиту Терентьеву она является в виде ужасного насекомого, оскорбляющего своим видом его человеческое достоинство. Ивану Карамазову – в образе Черта, который издевается над ним. Господину Голядкину – в виде собственного двойника. Мыслящий и верующий, как библейский Иов, человек отдан темной силе на искушение, на поругание и на страдание. Ипполит вспоминает (2005: 150):

Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то отвратительного тарангула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием.

Однако не всегда эта темная сила выступает как нечто конкретное, часто она действует тайно. Она - невидима и неслышна. Тихо крадется и, как некие «трихины», вселяется в тела людей. Назовем эту темную силу более определенно – дьявольской. Кого же дьявол избирает своей жертвой в первую очередь? Согласно церкви, - людей, не способных сопротивляться своей поврежденной грехом природе.

По христианским представлениям грех – это всегда отделение от Бога, то есть смерть. Праведность же – принятие от Бога дара жизни. В одном из мест первого послания апостола Иоанна упоминается различие между смертным грехом и «грехом не к смерти». В первом случае человек полностью становится закрытым для Бога. Во втором - он не окончательно устранил себя от веры и любви к Богу. Сознательное противление Богу – смертный грех. К таким грехам относятся грехи убийства, прелюбодеяния и отречения от веры. Остальные же грехи, которые позднее стали называться смертными (гордость, сребролюбие, гнев, чревоугодие, зависть, уныние), в современной христианской жизни считаются слишком схоластическими.

Именно эти три греха (убийство, прелюбодеяние и отречение от веры) больше всего занимают Достоевского. Им ставятся вопросы: каким образом человек приходит к этим грехам, что его толкает на путь смертного греха и есть ли дорога вспять.

Нам известно, что из всей Библии Достоевский больше всего любил *Книгу Иова*. Возможно, что он сам себя ставил на место библейского Иова, спорящего с Богом о справедливости, и чувствовал, что ему послано великое испытание веры. В этой книге он искал причины страдания невинных, мотивы, которые побуждают Бога отдать верующих во власть дьявола. Святоотеческая мысль уже в начальный период своего становления в лице Минуция Феликса, Тертуллиана, преподобного

Макария Египетского, блаженного Августина, блаженного Иеронима и других раннехристианских писателей, опираясь на православную богословскую традицию, говорит, что демоны облачены в тонкие тела. Собственно их отрицательная энергия и сковывает человеческую волю, поэтому апостол Павел толкует о сатане как о “князе, господствующем в воздухе” (Еф. 2,2). По мнению священников, кто удаляется от Бога, попадает в сети дьявола, являющегося вполне реальной силой, несмотря на распространенное мнение о его несуществовании. В начале XX века А.Ф.Лосев писал (1991: 157):

Не замечают беса с его бесконечной силой зла лишь те, кто сам находится в его услужении и ослеплены его гипнозом. Не важно думать, что существуют только те злые силы, которые известны нам из классических религий, теперешний дьявол принял формы философские (эстетические), научные и т.д.

Думается, что Достоевский, будучи человеком верующим, не сомневался в реальном существовании дьявола, что подтверждают описанные им истории борьбы божественных и дьявольских сил за душу человека.

Обратимся, например, к одной из таких историй, рассказанной в романе *Преступление и наказание*. Соня Мармеладова так объясняет Родиону Раскольникову причину, по которой он совершает преступление: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!» (Достоевский, 2004: 447)

Прежде всего встает вопрос, каким образом герой отошел от Бога. Этот вопрос порождает размышления о душе и духе человека. В своей работе *Автор и герой в эстетической деятельности* Бахтин так определял понятия души и духа (1994: 176):

Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу, в себе самом я живу в духе. Душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от я).

Это определение Бахтина хотелось бы уточнить. Предложим абстрактную схему в виде «тетрады», где Человек рассматривается во взаимодействии Духа, Души и Сверх-Я. Представим себе, что душа – это некий образ совокупности всего пережитого данным человеком, некий «набор» всех тех понятий, которые он усвоил в течение своей жизни. Каждое из этих понятий вызывает в нем определенные ассоциации, интуитивные и инстинктивные движения и действия. Дух же включает разум, развитый образованием, светским и религиозным воспитанием, он определяет функциональные связи между усвоенными понятиями, определяет всю перспективу отношений и на основании наличествующего материала может достраивать, создавать иной субъект, некий трансцендентальный субъект человека, его Сверх-Я, с которым Человек может сопоставить свои перспективы, соотнести свои ‘интеллектуальные миры’. При этом трансцендентальный субъект человека нельзя ставить на одну доску с земной формой его явления.

Создание такого нового субъекта позволяет Человеку тот внутренний диалог, который он уже ведет с собой на уровне духа, безмерно усложнить и привнести в него

модальность. Возникает риторика, ирония, сопоставление гипотез, теорий, оценок и классификаций собственных и приписанных этому Сверх-Я. Наглядно это можно было бы представить себе так: точка испускает лучи, те образуют поверхности, которые сворачиваются в объемную фигуру. Происходит как бы движение от безразмерной точки к первому, второму и, наконец, третьему измерению. Человек, таким образом, являет собой как бы уникальный единичный объект, и в то же время он - конгломерат самых различных впечатлений, кроме того он - механизм функционально детерминированных обратных связей и, наконец, он – это целая Вселенная. Каким будет его Сверх-Я, зависит от самого человека: от самого примитивного двойничества – до самых изощренных созданий фантазии. Идея-точка – весь мир – у Достоевского становится одним из методов описания. Это можно проследить в рассказе *Мужик Марей*, где герой «восстанавливает» свою прошлую жизнь (Достоевский, 2005: 55):

Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом малопалу выросло в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты уже давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял беспрерывно, в этом состояла вся забава моя.

Религия вообще, и в частности христианская, предлагает верующему в качестве Сверх-Я - Бога, который может служить идеалом, который может предложить уже готовые рецепты в тех ситуациях, когда индивид впадает в сомнение. Божественное слово прекрасно вплетается в диалоги, учит вере, надежде и любви, утешает и ободряет. Через Бога Человек надеется достичь некой «финальной гармонии». «Финальная гармония» – это идеальное задание, выходящее за пределы человеческого времени, она отослана в абсолютное будущее. Вот, например, как представляется писателю суть истории развития человека: «...человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, переходное». И дальше (1990: 173-174):

Сам Христос проповедовал свое учение только как идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение о мече), ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивающаяся, а там – бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, времени больше не будет.

Для Достоевского Человек, в первую очередь, это его душа, которую писатель связывает с сердцем. Именно в сердце, по его мнению, возникают естественные и правильные решения, незамутненные уводящей в сторону рефлексией. Душа становится неким феноменом, который обладает особой индивидуальностью. Дух же, как проявление разума, при определенных обстоятельствах может находиться под влиянием враждебных сил, которые способны исказить связи между явлениями, вступить с душой в противоречие, и - мало того, погубить и лишить ее воскресения.

Проиллюстрируем это положение конкретным примером: историей духовно-душевной борьбы одного из наиболее интересных героев Достоевского – Родиона Романовича Раскольникова.

Преподобный Иустин (Попович) в своей работе *Достоевский о Европе и славянстве* (<http://pagez.ru/olb>) пишет:

Анализируя личности своих отрицательных героев до самых тончайших психофизических празлементов, Достоевский в своей художественной прозорливости пришел к заключению, что грех и зло – это та таинственная сила, которая расстраивает, расщепляет, раскалывает целостность и целесообразность человеческой личности и подвергает ее обезличиванию. Самую живую, самую реальную и самую гениальную картину этого Достоевский нам представляет в Раскольникове. С невиданным реализмом он описывает, как зарождается грех в Раскольникове, как постепенно он развивается, как незаметно роднится с его душой, сердцем и с его волей: грех заполняет все его существо до тех пор, пока окончательно не овладеет им и не превратит его в свое орудие». Что же есть грех? По определению святого Макария Великого, грех есть «логика и суть сатаны».

Открывая роман Достоевского, мы застаем Родиона Романовича Раскольникова (Р.Р.Р.) во время июльской жары в состоянии крайней ипохондрии в маленькой коморке под крышей пятиэтажного дома. Состояние, почти что болезненное, выбрано Достоевским не случайно. Именно такие пограничные состояния являются, по мнению автора, привлекательными и соблазнительными для темных сил, чье призвание искушать и губить человеческие души. Надо отметить, что Р.Р.Р. «замечательно хорош собой» (а мы знаем из других романов, что, по мнению Достоевского, красота – могучая сила, способная влиять на окружающих, которая в определенной ситуации может превратиться в разрушительное оружие в руках темных сил). Таким образом, герой изначально несет на себе печать возможной жертвы демонизма. О характере Раскольникова мы узнаем из слов его друга Разумихина (Достоевский, 2004: 229):

...угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются. Ужасно иногда неразговорчив! Все ему некогда, все ему мешают, а сам лежит, ничего не делает. Не насмешлив, и не потому, чтобы остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. Не дослушивает, что говорят. Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права.

Это мнение нас наводит на мысль, что в герое еще до совершения им преступления была заложена ярко выраженная двойственность: доброе сердце и холодный и циничный ум. Нужно подчеркнуть слова *очень высоко себя ценит*. В них заложено то самое зерно, которое может привести к смертельной болезни души. Антропоцентризм неминуемо завершается культом человека, а следовательно – отрицанием Бога. Достоевский предполагает, что человек не может быть эталоном самого себя. Не может через себя понять себя самого. Об этом мы читаем и у апостола Павла: «Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собой неразумно». (2 Кор. 10: 12)

В дальнейшем из романа нам становится известно, что одно из основных свойств характера Р.Р.Р. – гордость. Гордость толкает его на преступление, гордость заставляет его сознаться в преступлении. Он говорит своей сестре (Достоевский, 2004: 447):

...чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь.... Это гордость, Дуня?

И сестра ему отвечает: «Гордость, Родя». Гордость – это самый принципиальный и важный вид центробежной силы, так как в ней заложено отделение от абсолютного центра вселенной (Бога), отнимающее у человека не только возможность, но и желание всецелостного бытия. Гордость мнимо возвышает человека над людьми. Раскольникову, например, кажется, что он разгадал тайну величия в мире (Достоевский, 2004: 447):

...кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет!

В этой цитате нужно обратить внимание на слова «кто силен умом и духом»- Р.Р.Р. хочет быть сильным умом и духом (презирая мнимую слабость души), поэтому он лежит в своей коморке и думает, думает о том, имеет ли он право «власть иметь». Еще раньше он пишет статью о дозволенности преступлений для выдающихся личностей, т.е. создает теоретическую базу для практических действий. По всей вероятности, именно в этот момент размышлений о практическом выполнении теорий его охватывает демоническая темная сила, которая начинает им руководить. Впоследствии он говорит Соне Мармеладовой (Достоевский, 2004: 447, 449):

Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня?... Молчи, Соня, я совсем не смеюсь, я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» И далее: «А старушонку эту черт убил, а не я...

Подобные слова героя романа можно было бы отнести к простой риторике, однако, мы уже упоминали, что дьявол был для Достоевского не менее реален, чем Бог. И эта реальность окружена тайной со множеством загадок и намеков. Мнительный читатель может найти их на каждом шагу. Например, если посмотреть на три буквы Р.Р.Р. и представить их в перевернутом виде, то они будут смахивать на три цифры 6, обозначающие число зверя.

Чем же дьявол соблазняет Раскольникова? Определенно - деньгами и властью. Он заставляет его мучиться вопросом, имеет ли он право «власть иметь». Уже сам по себе этот вопрос абсурден. Раскольников в своей исповеди Соне правильно рассуждает, что если он сам себя спрашивает об этом, то, следовательно, такого права у него нет и не будет никогда. И в то же время, вопреки всему, ему мнится, что он сам себе может разрешить властвовать над другими людьми, как Наполеон, и поэтому попадает в дьявольские сети (Достоевский, 2004: 449):

...черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь!- говорит он Соне.

Н. Лосский в своей книге *Условия абсолютного добра* пишет (1947: 73):

Существенная черта ложного пути поведения есть отпадение от Бога в той или иной степени, а вместе с тем и обособление от всех тварных существ, тоже более или менее глубокое. Разрывы, распады, нарушение целостности мира возникают вследствие отпадения от Бога, приводят к различным видам производного зла.

Это высказывание прямо можно соотнести с поведением Раскольникова. На первой же странице романа мы читаем: «Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой» (Достоевский, 2004: 5).

Это отделение от людей по мере развития романа перерастает в человеконенавистничество. Сначала ко всем посторонним людям (Достоевский, 2004: 120):

...это было какое-то бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречаемому и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были все встречные, гадки были их лица, походка, движения. Просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...

Ненависть перерастает в бешеную злобу: «Вся желчь поднялась в нем. Он чуть не захлебнулся от злобы на себя самого...» (Достоевский, 2004: 121). Сначала ненависть ко всем посторонним, а затем и к собственной матери и сестре (Достоевский, 2004: 248; 294):

Лжет! – думал он про себя, кусая ногти со злости. - Гордячка! Сознаться не хочет, что хочется благодетельствовать! О, низкие характеры! Они и любят, точно ненавидят... О. Как я... ненавижу их всех!» «Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...

Иногда в нем вспышивает ненависть даже к самой Соне Мармеладовой (Достоевский, 2004: 437; 454):

И вдруг странное, неожиданное ощущение какой-то едкой ненависти к Соне прошло по его сердцу» «Да, он почувствовал еще раз, что, может быть, действительно возненавидит Соно, и именно теперь, когда сделал ее несчастнее.

Раскольников больше опирается на свой разум, нежели на свое сердце. Размышляя о возможности преступления, он приходит к выводу, что многие преступники потому попадают, что в момент совершения преступления у них происходит как бы затмение рассудка и упадок воли. Что это явление сродни некой болезни, и она развивается постепенно и доходит до высшей точки незадолго до совершения преступления. Это состояние продолжается в момент преступления и длится еще какое-то время, но потом бесследно исчезает. В своей статье О преступлении он ставит вопрос: «Болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни?» (Достоевский, 2004: 79). Этот вопрос остается для него нерешенным, однако про себя он полагает, что «рассудок и воля останутся при нем, неотъемлемо, во все время исполнения задуманного единственно по той причине, что задуманное им – не преступление». (Достоевский,

2004: 80). В этом выводе и состоит самая главная ошибка Раскольникова. Он не признает свое преступление до самого конца романа (Достоевский, 2004: 581):

Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? – говорил он себе... Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинной.

Лежа в своей комнате, похожей на гроб, он оттачивает свою казуистику до такого состояния, что уже не находит никаких сознательных возражений против убийства, хотя упорно их ищет. В этих метаниях Раскольникова Достоевский четко обозначает две противоборствующие стороны: божественную и дьявольскую, вступившие в спор. Вот, например, как он пишет о том, что Раскольников пытается найти рациональный предлог, чтобы не совершать преступление (Достоевский, 2004: 79):

...он уже не находил сознательных возражений. Но в последнем случае он просто не верил себе и упрямо, рабски искал возражений по сторонам и ошущью, как будто кто его принуждал и тянул к тому.

Однако божий глас ему надо было искать не в разуме, а в сердце. А он в этот момент закрыл свое сердце и не мог почувствовать всю ложь своих построений. И тогда вмешивается темная сила (Достоевский, 2004: 79):

...как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать.

На самом деле Раскольников уже до этого момента был искушен дьяволом, который устроил так, что тот сначала от студента Покорева «случайно» узнал об Алене Ивановне, к которой при знакомстве почувствовал непреодолимое отвращение, затем также «случайно» узнал об отсутствии Лизаветы в доме старухи, а потом снова «случайно» услышал разговор студента с молодым офицером, в котором студент обосновал всю правомерность и справедливость убийства растовщицы. Студент призывает к убийству, основывая свой призыв на логических выводах. Его слова словно специально обращены к подслушивающему Раскольникову (Достоевский, 2004: 73):

Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячи добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна.

Этот безвестный студент (не сам ли дьявол-искуситель?) повторяет тайные мысли Раскольникова: «...ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было» (Достоевский, 2004: 73). Впоследствии Раскольников бессознательно будет повторять слова этого студента, называя старуху вошью: «Я ведь только вошь убил, Соня,

бесплезную, гадкую, зловредную» (Достоевский, 2004: 445). Еще с момента первого заклада у старухи в голову Раскольникова входит зерно «странной» мысли: «Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» (Достоевский, 2004: 71). Однако из яиц вылупляются не только цыплята, но и змеи. Уверенный, что убийство старухи – не преступление, Раскольников, тем не менее, душой чувствует, что что-то не так. Однако противиться подхватившей его силе не может. Дальше все идет по его теории описания преступления (Достоевский, 2004: 70):

Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно.

Постепенно, по ходу романа Раскольников все более запутывается в дьявольских сетях. В нем начинают проявляться новые, ранее не свойственные ему черты: лживость, хитрость, ерничанье. Так, например, он описывает Заметнову придуманную им хитрость для фальшивомонетчиков (Достоевский, 2004: 176) или пытается обмануть Разумихина: «Этому тоже надо Лазаря петь,- думал он, бледнея и с постукивающим сердцем, - и натуральнее петь» (Достоевский, 2004: 263). Или же представляется перед Порфирием Петровичем: «Хорошо ли? Натурально ли? Не преувеличил ли?» – трепетал про себя Раскольников». Свои театральные способности Раскольников сам же судит: «Глупо! Слабо! Зачем я это прибавил!» (Достоевский, 2004: 269); или «Зачем сказал: -женщины?» (Достоевский, 2004: 268) Он постоянно пытается контролировать себя: «...напрягаясь всем существом своим и замирая от муки поскорей бы отгадать, в чем именно ловушка, и не просмотреть бы чего?» (Достоевский, 2004: 285). Он уже почитает себя хитрым человеком, поэтому боится проговориться по-пустому (Достоевский, 2004: 288):

На таких-то пустейших вещах всего легче и сбиваются хитрые-то люди. Чем хитрей человек, тем он меньше подозревает, что его на простом событии. Хитрейшего человека именно на простейшем надо сбивать.

Эти уловки и хитрости начинают доставлять ему удовольствие: «Во вкус вхожу в иных пунктах!» (Достоевский, 2004: 289). То, что эта хитрость чужда его натуре, подтверждает он сам: «...он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более, что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...» (Достоевский, 2004: 83). Создается полное впечатление, что им руководит какая-то иная сила. Даже в природе он видит что-то роковое и неумолимое: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина» (Достоевский, 2004: 124). Уместно еще раз процитировать Преподобного Иустина, который отмечает (<http://pagez.ru/olb>):

Достоевский не мог и не хотел остановиться на иллюстрации современного личного и социального зла. Ведомый пророческим вдохновением, он бесстрашно углубился в неисследованные глубины и праглубины человеческого зла и к большой неожиданности многих, не желающих этого открытия, он объявляет: главная психологическая причина

современного атеизма и анархизма – диавол, который искусным и загадочным образом использует человеческий евклидов ум как свой медиум.

Церковь считает, что из-за ограниченности своих возможностей человек не может быть единственной и самостоятельной причиной разлитого в мире зла. Он только одна из таких причин. И даже если бы он и захотел, то не смог бы найти в себе ту безграничную силу, которая бы стала причиной всеобъемлющего зла. За всем этим стоит дьявол, как нечистота участвующая в мыслях человека, как движущая сила, таинственно пронизывающая его дух. «Неверие в диавола есть французская мысль, есть легкая мысль!» – восклицает Достоевский в своем романе *Идиот* (Достоевский, 2003: 404). Человек зол в своей эмпирической жизни, но он не зол по сути природы своего существа. Он зол, ибо участвует в злой логике, в злой воле, в злом рассудке дьявола. Если его логика сочетается с логикой злого духа, то это ведет к сатанизированности человека, для которого преступление не только дозволенно и законно, но даже и умно.

Выше мы отмечали, что Разумихин, говоря о друге, подчеркивает, что тот «не насмешлив», однако после преступления Раскольников не может удержать смех. Такой странный, ни с чем не сообразный смех мы часто находим в произведениях Достоевского как демоническую черту. Дьявол для Достоевского - существо злое и насмешливое. Так, например, в *Бесах*, в главе *У Тихона* Ставрогин признается, что «он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и разумное», «в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же». Затем он прибавляет: «Вы, наверное, думаете, что я все еще сомневаюсь и не уверен, что это я, а не в самом деле бес?» (Достоевский, 2004: 158). И ниже: «...я вам серьезно и нагло скажу: я верую в беса, верую канонически, в личного, не в аллегория, и мне ничего не нужно ни от кого выпытывать, вот вам и всё» (Достоевский, 2004: 159).

У Раскольникова – целая гамма улыбок, усмешек, смеха и хохота: «Он слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать...» (Достоевский, 2004: 108); «...он засмеялся нервным, мелким, неслышным, долгим смехом, и все смеялся, все время, как проходил через площадь» (Достоевский, 2004: 119); «они думают, что я болен! Они и не знают, что я ходить могу, хе-хе-хе-!...» (Достоевский, 2004: 138); «...ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, хохотать, хохотать, хохотать!» (Достоевский, 2004: 174); «...Раскольников сидел, как бы не обращая внимания, в задумчивости и с странной улыбкой на бледных губах» (2004: 242); «...все исполнишь?- спросил он, ядовито усмехаясь» (Достоевский, 2004: 248); «...а знаешь что?- вдруг обратился он к Разумихину с плутоватою улыбкой...» (Достоевский, 2004: 263) и т.д. Очень характерен в этом смысле его сон, в котором он как бы повторно переживает убийство старухи. Во сне «...старушонка сидела и смеялась,- так и заливалась тихим, неслышным смехом» (Достоевский, 2004: 296), и когда он бьет ее топором по голове, «...старушонка так вся и колыхалась от хохота» (Достоевский, 2004: 296). В этом сне он не один на один со старухой, - «в спальне кто-то прячется, смеясь и шепча». Можно еще много привести цитат, в которых в Раскольникове зреет насмешливый дух, который хочет превратить его в то существо, о котором написано в Притчах Соломона: «...глаза гордые, язык

лживый, и руки, проливающие кровь невинных, человек лукавый, человек нечестивый, ходит со лживыми устами...» (Притчи Соломона, 6:13-18).

Раскольников (даже исходя из его фамилии) – расколотый человек, который живет в эпоху цивилизации, частично утративший «источник живой жизни», «живую душу». В своих умствованиях он отправился по пути, похожем на путь тех «социалистов», о которых Разумих говорит, что они пошли не *живым* путем, а *математическим* (Достоевский, 2004: 273), так как, создавая свою теорию, с помощью логики предугадывали несколько случаев, а тот миллион, который может возникнуть в живой жизни, - отметили.

Однако обратим внимание на то, что герой лишь частично утратил способность полагаться на свое сердце. Достоевский в романе неоднократно показывает, что душа Раскольникова агонизирует. Автор говорит о его благих порывах: например, в бытность свою в Университете он помогал бедному и чахоточному товарищу, которого содержал полгода, а по смерти его позаботился об его старом и больном отце и даже похоронил старика. Затем мы узнаем о том, как он спас от пожара двух маленьких детей. В самой же истории выполнения его плана мы также находим многие свидетельства того, что временами его душа оживала. Достоевский отсылет героя в сон, в подсознание, ведь именно там надо искать истинные проявления души человеческой. Перед преступлением Раскольников видит сон про убитую лошадь, который заставляет его страдать, он плачет, а проснувшись, обращается к Богу: «Боже! – воскликнул он,- да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... Господи, неужели?» (Достоевский, 2004: 67) В этот момент он чувствует, что страшное бремя его плана спало с его груди: «Господи! – молил он,- покажи мне путь мой, я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» (Достоевский, 2004: 67) В момент обращения к Богу «точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» (Достоевский, 2004: 67) Тут бы и истории конец. Но мы знаем, что Достоевский всегда подчеркивал, что Бог дает Человеку свободу воли, а Дьявол – лишает.

Бог не оставляет Раскольникова даже после его преступления, хотя мы знаем, что именно убийство есть тот смертный грех, который отвращает Бога от грешника. Почему же это происходит? Да потому, что сам Раскольников окончательно не отходит от Бога. Хотя он и не носит крест, но время от времени его душа подсказывает, что то, что он совершил, совсем не похоже на его «логический план», поэтому он в отчаянии готов молиться: «Господи, поскорей бы уж! Он было бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся, - не над молитвой, а над собой» (Достоевский, 2004: 102) или даже покаяться: «Войду, стану на колена и все расскажу...» (Достоевский, 2004: 103).

Две противоположные силы: центробежная, влекущая его к Богу, и центростремительная – к дьяволу властвуют над ним. Он испытывает необыкновенные мучения. Так, например, в конторе (Достоевский, 2004: 112-113):

...ему вдруг стало самому решительно все равно до чьего бы то ни было мнения (и перемена эта произошла как-то в один миг, в одну минуту... до того вдруг опустело его сердце. Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг

сознательно сказалось душе его... С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое... Точно гвоздь ему вбивали в темя. Странная мысль пришла ему вдруг: встать сейчас, подойти к Никодиму Фомичу и рассказать ему все вчерашнее, все до последней подробности...

Но вместо признания он идет прятать украденное добро под камень. И уже другие чувства обуревают им: «Опять сильная, едва выносимая радость, как давеча в конторе, овладела им на мгновение. Схоронены концы!» (Достоевский, 2004: 118).

Если Дьявол сигналами, подсказками навязывает ему свою волю, то Бог посылает ему ситуации, в которых герой может проявить свою человеческую сущность. В ряду таких ситуаций - встреча с больной и некрасивой дочкой хозяйки («Право, не знаю, за что я к ней тогда привязался. Кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбил...») (Достоевский, 2004: 246); или другой эпизод - с пьяной молоденькой девочкой, которую он пытается спасти от сладострастного преследователя; «случайная» встреча с Мармеладовым и его семьей, которым он отдает все свои последние деньги и защищает от подлых наветов; встреча с негодяем Лужиным, от которого он спасает свою сестру и Соню. Делая людям добро, он временами сам отходит душой, пытается обратиться к Богу: «Полечка,- говорит он младшей дочери Мармеладова,- меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне ... «и раба Родиона» – больше ничего» (Достоевский, 2004: 202). Его ободряет искренняя детская молитва, и он даже готов вступить в схватку с окружившей его тьмой (Достоевский, 2004: 203):

Царство рассудка и света теперь ... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. - А ведь я уже соглашался жить на аршине пространства!

Однако в таких схватках он неизбежно должен терпеть поражение, ибо только истинное покаяние и обращение к Богу может спасти его, а он обращается к собственной силе (Достоевский, 2004: 203):

Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот это-то они и не знают, – прибавил он гордо и самоуверенно и пошел, едва переводя ноги, с моста. Гордость и самоуверенность нарастали в нем каждую минуту; уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую.

Даже сожалея над Сониной судьбой, он говорит, что она могла бы «жить духом и разумом» (Достоевский, 2004: 351).

Можно было бы возразить: если дьявол так овладел им, то как же он позволил Раскольникову совершать добрые дела? В своем фантастическом рассказе *Кроткая* Достоевский от имени главного героя шуточно цитирует Мефистофеля из Фауста Гете: «Я есть часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...» (1972:112). Разумеется, дьявол добро творить не может. Всякое «добро», исходящее от «отца лжи», оборачивается злом. Абсолютно фальшивый постулат, высказанный в романе Свидригайловым (Достоевский, 2004: 525), что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша, - оказывается страшной ловушкой, способной сначала

завлечь, а затем погубить человека. В своем гениальном *Сне смешного человека* Достоевский дает убедительную картину гибельного пути: сначала красота лжи, возникшей невинно с шутки или любовной игры, а затем из этого атома (или, как мы раньше говорили, точки) начинает вырастать сладострастие, затем ревность, потом жестокость, разъединение, союзы одних против других, укоры, упреки, стыд, возведенный в добродетель, вражда и обособление, скорбь и мучение, злость, злодейство и саморазрушение и т.д. (2005:43-46).

Действительно, дьявольская теория Раскольникова сначала толкает его на двойное преступление, а затем на грань самоубийства. По своей теории он сам хочет быть Богом. Сам хочет судить людей, кому жить, кому не жить, и сам же не выдерживает тяжести этой роли, поэтому готов на реальное самоубийство. Почему на реальное? Потому что виртуальное самоубийство уже произошло тогда, когда он убил старуху. Раскольников сам это признает: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!» (Достоевский, 2004: 49). Судьбу Сони он тоже понимает как путь человека, наложившего на себя руки: «Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!» (Достоевский, 2004: 351) Однако и тут он ошибается, так как Соня губит себя во имя спасения других людей и принимает за них страдание, а он хотел принять страдание, чтобы достичь свободы и власти: «Свобода и власть, а главное власть! Над всею дрожащей тварью и над всем муравейником. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие! - говорит он Соне» (Достоевский, 2004: 352).

Распутницу и убийцу в романе связывает одна цепь. Они - два полюса: один тяготеет к тьме, другой к свету. Показательна в этом смысле сцена чтения *Нового завета*. Достоевский совершенно не случайно выбирает чудо воскресения Лазаря. По *Библии* Христос не был с Лазарем, когда тот болел, не поддержал его, и Лазарь умер, однако сестра покойного Марфа верует в Иисуса, и эта вера спасает Лазаря. Иисус говорит: «Я есмь воскресение и жизнь, верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек» (Достоевский, 2004: 349). Воскресение Лазаря – одно из самых великих чудес *Евангелия от Иоанна*. Оно, как пробный камень: если есть вера в Бога, то есть вера и в воскресение Лазаря. Не зря Порфирий Петрович, спрашивая о вере Раскольникова, говорит: «И... и в воскресение Лазаря веруете? – Ве-верую. Зачем вам все это? - Буквально веруете? – Буквально» (Достоевский, 2004: 279). Думается, что тогда Раскольников слухавил, и Соня это подозревает: «Ведь вы не веруете?»- спрашивает она (Достоевский, 2004: 347), и Раскольникову нечего ответить. Почти что признаваясь Соне и рассуждая о ее жизни, он сам, как некий судия, предоставляет ей только три возможности (Достоевский, 2004: 345):

Ей три дороги,- думал он,- броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат... он был уже скептик, он был молод, отвлеченен, и, стало быть, жесток, а потому и не мог не верить, что последний выход, то есть разврат, был всего вероятнее.

В разговоре с Соней Раскольников со злорадством говорит: «Да, может, и Бога-то совсем нет» (Достоевский, 2004: 342) - и советует Соне поступить «разумно» – «прямо

головой в воду и разом покончить» (Достоевский, 2004: 343), так как она «понапрасну умертвила и предала себя» (Достоевский, 2004: 343).

Раскольников боится поверить в то, что Бог есть, так как в этом случае, согласно его теории, «человек – подлец», а если Бога нет, «то все позволено». Он искушает Сону: «Дьявол может дать власть и свободу, а Бог? – А тебе Бог что за это делает?» (за молитвы –Н.И.) - спрашивает он (Достоевский, 2004: 345). В этой сцене Раскольников опускается до уровня богохульства. Называя детей развратными ворами, он восклицает: «А ведь дети – образ Христов: Сих есть Царствие Божие» (Достоевский, 2004: 351). Казалось бы, Раскольников для веры погиб безвозвратно, умер, как Лазарь, и погребен. Он «...как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего...» (Достоевский, 2004: 125). Однако Достоевский не может допустить духовной гибели своего героя. Все те добрые дела, которые Раскольников делает, не задумываясь, по велению сердца, подсознательно дают ему шанс на спасение. Но это происходит не тогда, когда герой признается в преступлении, так как в этот момент в нем нет ни раскаяния, ни покаяния, а уже в эпилоге, когда после болезни «что-то вдруг пронзило ... его сердце» (Достоевский, 2004: 585) – на него снизошла любовь. Верный своей теории антитезы рассудка и сердца, Достоевский пишет так о своем герое (Достоевский, 2004: 587):

Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.

Раскольников открыл свое сердце любви, и вместе с любовью к Соне вошла и любовь к Христу, которая возродила его, как когда-то любовь и вера Марфы воскресила библейского Лазаря. Этому возрождению помогла и неотразимая правда Сони Мармеладовой, заключенная в ее знаменитом вопросе: «А чем бы я была без Богато?» Эта правда привела интеллигентного и образованного убийцу Раскольникова к покаянию и духовному возрождению, потому что все его «заумные» теории потерпели крах пред безыскусным Сониным вопросом. И в итоге судьба Родиона Раскольникова наглядно иллюстрирует еще одну замечательную по своей глубине и истинности мысль Федора Михайловича Достоевского: лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная что это злодейство совершилось.

Читая роман *Преступление и наказание* и наблюдая все фазы перерождения героя, невозможно согласиться с М.М. Бахтиным, который в своей книге *Проблемы творчества Достоевского* (1929: 67) доказывает, что каждый герой Достоевского «дан» с самого начала, он не «становится», не эволюционирует. Дело в том, что Достоевский ставил акцент в своем творчестве не на скоротечных или синхронических эволюциях, а на диахронических изменениях. Злобная богоборческая гордость имеет длинную историю в развитии человечества. Человек не может смириться со своей преходящей природой. Человек ищет вечности, пытается утвердить ее, питается от ее источника. Но если нет Бога, нет бессмертия, нет дьявола, то человек утверждает нечто вечное в себе, впадает в солипсическую и эгоистическую вечность. И вот тут-то,

по мнению Достоевского, он становится игрушкой в руках дьявола. Обратимся еще раз к прозорливым словам преподобного Иустина (<http://pagez.ru/olb>):

Нет равных Достоевскому в мировой литературе, когда речь идет о демонологии. Он – писатель и прозорливец. Его очи в сущностях этого мира видят то, чего самые одаренные люди не видят. Но его исключительная заслуга состоит в том, что он открыл метод дьявольской деятельности в сфере человеческой жизни. Этот метод виртуозно совершенен: дьявольская сила таинственно растекается по человеческому существу, незаметно пропитывает собой ткани души. Постепенно овладевает психическими свойствами человека. И в конце концов человек неосознанно ощущает эту силу как часть своей собственной, как суть своего самосознания. И когда он думает, ощущает и действует, эта сила незаметным образом полновесно участвует в его мыслях, в его чувствах и во всей его деятельности, хотя он самоуверенно считает себя независимым, автономным, самостоятельным и самобытным и в мыслях, и в чувствах, и в поступках. Всю свою ужасную силу диавол использует с художественным совершенством, чтобы незаметным образом сродниться с разумом человека.

Все творчество Достоевского является своеобразной борьбой с метафизическим чудовищем – дьяволом, которого он ощущал в самом себе. Он видел все его уродство, его логику, методику, которая уничтожает живую душу человека, пропитывает ее «трихинами», толкает на богоборчество. Вот поэтому он так страстно взывал к Богу, так страстно хотел верить в него, в его чудесную спасительную силу. Ум не принимает – а душа верует. Прочитав *Преступление и наказание*, трудно понять умом, как же удастся Раскольникову так вдруг отречься от своих идей, своей логики, своего эгоизма и своей гордыни. И тогда вспоминается вопрос Порфирия Петровича. «И в воскресение Лазаря веруете?» Чтобы поверить в воскресение Раскольникова, надо верить в воскресение Лазаря, а иначе Достоевского не понять.

REFERENCES

- Бахтин, М. (1994). *Работы 20-х годов*. Киев.
- Бахтин, М. (1929). *Проблемы творчества Достоевского*. Ленинград: Прибой.
- Достоевский, Ф. (1972-1990). *Полное собрание сочинений и писем в 30 томах*. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. (2003). *Идиот*. Москва: Ермак.
- Достоевский, Ф. (2004). *Подросток*. Москва: Эксмо.
- Достоевский, Ф. (2004). *Преступление и наказание*. Москва: Эксмо.
- Достоевский, Ф. (2005). *Сон смешного человека*. СПб.
- Достоевский, Ф. (2005). *Братья Карамазовы*. Москва: Эксмо.
- Достоевский, Ф. (2004). *Бесы*. Москва: Эксмо.
- Дюпрель, К. (2006). *Философия мистики*. Москва: Эксмо.
- Лосев, А. Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. Москва.
- Лосский, Н. (1947). *Условия абсолютного добра*. Париж.